

Великая Отечественная война фактически разделила СССР на две части - по линии фронта. По одну сторону сохранялся социализм, Советская власть, кругом были свои, кроме засланных агентов абвера естественно, но была и другая сторона, находившаяся от нескольких дней до нескольких лет под гитлеровской оккупацией. В этой статье речь пойдет о том ужасе, в котором находились те, кто жил под нею и считал каждый день в ожидании освобождения.

В своих размышлениях я буду опираться на фрагменты рукописи с воспоминаниями отца В.В. Евдокимова, который в шестилетнем возрасте оказался на временно оккупированной территории и сполна хлебнул лиха. Буквально накануне войны он сильно повредил ногу, началось осложнение - и в условиях фашистского «нового порядка» с высокой вероятностью должен был погибнуть, но каким-то чудом выжил. Отец на всю жизнь запомнил, как плясал малолетним ребенком на одной ноге, держась за костыль, чтобы немецкие солдаты подали хоть что-то, что позволило бы ему и всей его семье, включая малолетних братьев, остаться в живых. Он до сих пор не может забыть, как женщины голодных детей дрались за подстреленных гитлеровцами ворон, как нацистский комендант отвечал на мольбы лишенных каких-либо средств к существованию русских фрау: «Арбайтен, русише швайн, арбайтен!»

«АТО» образца 1941 года

В оккупацию отец попал в Пушкине, бывшем Царском Селе. Первое, что сделали оккупанты - выгнали жителей этого прифронтового городка буквально в чистое поле, обрекая, по сути, на верную смерть. Отец очень хорошо запомнил этот момент. И как было не запомнить, если «новый порядок» в первый же день предстал во всей неприглядности: «Когда толпу горожан гнали в пригород Пушкина, многие увидели повешенных мальчиков в ремесленной форме... Ночью они хотели поджечь сарай, куда немцы загнали несколько мотоциклов, но были схвачены».

Выгоняли из домов обычных людей, а вот обычных, но партийных, членов ВКП(б) и ВЛКСМ, сразу старались выявить и арестовать. Собственно, антикоммунизм был и остается главной родовой чертой у всех фашистов. Поэтому и ключевую задачу перед изменниками Родины они ставили во время своей гитлеровской «АТО» соответствующую. Вот что было записано в Положении о деятельности полиции города Старая Русса: «...служба порядка будет выявлять коммунистов и комсомольцев, активистов и советски настроенных людей и арестовывать их» (цит. по: Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. Русская полиция - М. 2010. - С. 98. Далее – Русская полиция). Т.е. занимались гитлеровские пособники ровно тем же самым, что и нынешние бандеровские марионетки Запада на Украине.

Последние, как известно, все беды жителей Незалежной списывают на российское руководство. Точно так же поступали и немецкие оккупанты. Это отец тоже запомнил с детских лет: «...горожане спрашивали у немцев с бляхами на груди: «Куда идти дальше, где жить, как получить работу и питание». На первые два вопроса ответы получили жёсткими - где хотите и как хотите, полная свобода, на остальные вопросы - следовал почему-то односложный ответ: «Сталин!».

И не дай Бог, если кто-то спрячет тех, кого они считали тогдашними «ватниками» и «колорадами». В инструкции коменданта Новороссийска, а фактически по всей оккупированной территории страны перед полицией, сформированной оккупантами, в числе прочего требовалось заносить в «особый список», проще говоря, репрессировать «лиц, укрывающих партизан и шпионов, а также их жен и детей». Иными словами, за помощь тем, кто борется с фашистами, полагался расстрел не только взрослых, но и малолетних детей. Едва не случилось это и с семьей моего отца: «Как-то днем, в класс школы, где мы жили, вошли трое военнопленных и попросили мою тетю (из взрослых в комнате находилась она одна) спрятать их, если немцы войдут в школу, т.к. они пришли уже в село для облавы. Тетя сказала им, чтобы лезли под нары, на которых спали целые семьи. Через некоторое время вошли немцы, их офицер бывал в селе не раз и узнал тетю, которая раньше с ним разговаривала.

Это облегчило дело, немцы не стали обыскивать комнату, потолкались и ушли. Когда они ушли, тете сделалось плохо, так как найди беглецов, фашисты могли расстрелять тетушку, тем более что на полу остались следы от мокрого снега, но на наше счастье вода накапала на пол и от принесенных дров, что не вызвало подозрений».

В общем, спасло от «нового порядка» только чудо. А вот бежавшим красноармейцам мужество тети отца, увы, не помогло. «Через некоторое время, - вспоминает он, - стало известно, что беглецов все же поймали в бане на краю села, их выдал один из тех, кто разбогател благодаря «освободителям» от большевизма».

Что случилось с ними дальше - догадаться нетрудно. Либо расстреляли сразу же около баньки предателя, либо, что не многим лучше, отправили в лагерь для военнопленных, где от голода и болезней умирали тысячами. Даже пули фашистам были не нужны - практически отсутствие какой-либо вообще еды и инфекции косили людей не хуже гитлеровских пулеметов. В шталаге Саласпилс в Латвии кору деревьев советские военнопленных съедали до высоты человеческого роста – ничего другого съестного практически не было.

В прифронтовой зоне забирали не только солдат, но на всякий случай всех мужчин призывного возраста. Об одном из таких лагерей Гатчинском отец был наслышан от старших: «...положение в лагере было хуже некуда, почти не кормили, на работы гоняли, по утрам по несколько телег увозили мертвых... Внешнюю охрану вели немцы, внутреннюю - капо - они били узников жестоко, особенно бесхитростных мальчишек военнопленных 18-19 лет. На работы отбирали косяками... все старались попасть в малую группу - на расчистку уборных, мусора у походной кухни». Просто потому что съедобный мусор можно есть, а иначе неминуемая голодная смерть, которая настигла многих в оккупации не только в концлагерях.

Прислужники «нового порядка»

Кому война - кому самогонка холодна. Пока одни в оккупации умирали от голода, гибли от пуль фашистов или горели в хатах, подожженных бандеровцами, многие ловкие дельцы, как и в «лихие» 1990-е годы, смогли извлечь выгоду из всеобщего несчастья. Отец, хоть и был ребенком, не забыл, как осуществлялся процесс приватизации при фашистском «новом порядке»: «Колхозное добро при роспуске колхоза досталось 3-4 семьям, кто влез в доверие к оккупационным властям и оказался ближе к тому или иному

добру: мельница - мельничихе, амбар с зерном - изворотливому сторожу... Оккупанты рассчитывали, что «новые кулаки» начнут приумножать свое богатство - и только успевай снимать для оккупационной армии оброк, но все пошло наоборот: как легко досталось, так легко и стало проматываться. Пьяные загулы, обмен на дорогие вещи и побрякушки, сбавливаемые тем же немцам за шнапс в красивой упаковке - сказалось неумение распорядиться в сложных условиях войны доставшимся имуществом. Всей этой мелюзге прежде и не снилось, что она сможет, как по щучьему велению, разбогатеть и что будет внедрены рыночные отношения, при которых за десяток килограммов картошки или немного муки можно будет получить золотые серьги с драгоценными камнями из ушей покупательницы или даже ее саму».

Разумеется, припеваючи жили откровенные коллаборационисты, которые пошли на услужение к иноземным хозяевам. Пошли нередко исключительно из шкурных соображений - за службу в полиции полагался щедрый продуктовый паек. Особо отличившимся в репрессиях просоветски настроенных жертв оккупации предусмотрена была еще и добавка к условным продуктовым тридцати сребреникам (См.: Русская полиция. - С. 38).

После сдирания трех шкур с голодающих при тогдашнем рыночном курсе и уничтожения подпольщиков и партизан изменники Родины гуляли на широкую по тем временам ногу. «Новые кулаки, - осталось в памяти отца, - катались на санях, запряженных тройкой бывших колхозных лошадей, распевали под гармошку «Ухаря купца»: «Пей, пропивай, не последнее...» Деревенские буржуа, еще вчерашние колхозники, якобы едва сводившие концы с концами, оставались безучастными к голодным и умирающим беженцам... Было два случая, когда молодые женщины сражающихся на войне офицеров, не желая видеть, как умирают от голода их дети, покончили с собой...»

От предательства голодающих своих соотечественников до прямой измене Родине у новоявленных предпринимателей зачастую был один шаг. Его они делали, спасая несправедливо прихватизированное добро. Как раз о новоявленных буржуа в месте, где мой малолетний отец долгое время находился в оккупации, говорилось в докладной записке УНКВД по Ленинградской области от 11 января 1942 г., что в «Волосовском районе созданы карательные отряды из местной молодежи (сыновей кулаков)» (Русская полиция. - С. 44).

«Кровь за кровь»

В либеральной историографии распространено мнение, что Великая Отечественная война якобы не сразу стала отечественной и тем более великой. Для доказательства этой теории они приводят данные о разгроме многих партизанских и диверсионных отрядов в 1941-1942 годах. Мол, население не поддерживало своих защитников и сдавало их в массовом порядке немцам. Излюбленный пример в этом плане судьба русской Жанны д'Арк - Зои Космодемьянской. Ее сначала выдал местный староста Свиридов, потом сдал товарищ по разведгруппе Клубков. И, наконец, вместе с гитлеровцами над ней издевались две местные жительницы. Они избивали героиню, над которой уже вволю поиздевались фашисты, когда ее вели, как Христа на распятие, к виселице. Не исключено, что именно им Зоя крикнула перед мученической смертью свои знаменитые слова: «Сталин с нами! Сталин придет!». Советская власть действительно вернулась и ее компетентные органы с помощью местных жителей быстро выявили не только старосту, но и тех, кто поднял руку на коммунистическую святую. Все они были казнены за измену Родине. Был разоблачен потом и приговорен к высшей мере и завербованный абвером Клубков.

Но основная масса граждан на оккупированной территории, конечно, симпатизировала красным повстанцам и ждала возвращения наших. Понятно, что, как сейчас на занятой бандеровцами территории Луганщины и Донбасса, люди вида не подавали, но всей душой были, конечно, с РККА. Иногда, впрочем, происходили события, когда это сочувствие скрыть было просто невозможно, несмотря на грозящую опасность расправы.

Отец рассказал об одном таком случае: «В погожее майское раннее утро над селом пролетела необычно большая группа наших самолетов в направлении к Ленинграду. На невидимый ранее гул выбежали на улицу все обитатели старой школы и села. Увидев небывалое количество краснозвездной авиации в небе, люди ликовали, кричали, махали руками, целовались, молодежь подпрыгивала... Мы, дети, живущие в старой школе в погожие солнечные дни стали высыпать на крылечко школы, чтобы не пропустить полета в небе наших краснозвездных самолетов». Конечно, дети просто копировали взрослых, которые верили, что рано или поздно придет родная армия, придет и освободит своих и сурово покарает тех, кто продался врагу. Так и случилось.

Пинок «свободы»

Хотя были и такие, кто ждал как раз гитлеровцев – многих из них постигло горькое для них разочарование. Сразу после захвата городка, в котором некогда находилась летняя резиденция русских царей, доблестные солдаты рейха бросились грабить. Пока старшие

чины вермахта изучали, видимо, царские богатства, младшие опустошали брошенные квартиры простых пушкинцев. И вот тут, пишет отец: «Какой-то пожилой человек в пенсне вдруг бросился в агитацию: «Не беспокойтесь, господа, солдаты все вернут обратно, немцы народ очень культурный, я бывал в Германии - и у нас скоро наладится порядок и нормальная жизнь, кончится страх перед тем, что тебя ночью заберут и увезут навсегда в неизвестном направлении»»».

Видимо, он был из тех, кто ненавидел Советскую власть и десятилетиями ждал «нового порядка». И вот дождался наконец. Один из «освободивших» его гитлеровцев позвал «сторонника» помогать грузить награбленное. «Тот, - вспоминает отец, - либо не понял, либо считал для пожилого это не обязательным и поэтому не двигался с места. Тогда солдат в несколько прыжков приблизился к этому человеку и с размаху прямо в копчик ударил его своим здоровенным солдатским сапогом. Человек в пенсне упал, заохал, пытался встать, опираясь на одну руку, другой придерживая пенсне. Когда его подняли и уложили на мешки в подвале, этот поклонник западной свободы и демократии долго вслух размышлял: «Как это возможно? Миловидный мальчик, представитель нации Гете, Гегеля, Бетховена - и вдруг сапогом пожилого немощного интеллигента, так ждавшего их прихода. О Господи!»». Завсегдатаи современных либеральных митингов напоминают мне этого человека в пенсне, ведь западные санкции против России затрагивают и их. Это условный пинок для их прозападного мировоззрения. Только в отличие от того несчастного из оккупированного фашистами Пушкина они этого еще не поняли.

[Александр Евдокимов, "Свободная Пресса"](#)